

дие (с. 226). Одно другому не мешает, если "появление родственников Юстиниана на ряде высших военных должностей в 562—565 гг. обусловилось не столько династийной политикой, сколько естественным ходом их служебного роста и смены поколений в военной элите" И совсем уж неправдоподобно звучит вывод о том, что "Юстиниан безучастно относился к вопросу о престолонаследии, понимая, что оставляет после себя запрограммированный конфликт" (с. 227). Вообще, для лучшего освещения проблем правления Юстиниана (и, в частности его политики в военно-административной сфере) следовало бы учесть результаты целого цикла исследований греческого ученого Лунгиса, а также крупную работу итальянца Каими, посвященную анализу трактата Иоанна Лида "De Magistratibus".

Текст книги Е.П. Глушанина страдает, мне кажется, чрезмерной "герметичностью" (главы, по моему, следовало бы разбить на подразделы, язык нарочито утяжеленный (уж не влияние ли немецкой школы?), перенасыщенный иностран-

ной лексикой и технической терминологией Читателю нужно быть весьма "подкованным" в этой области, иначе он вряд ли поймет, что означают избыточные в тексте "адоптации", "адзрация", "конскрипция", "идиосинкразия" и т.п., тем более, что термины эти не только не переводятся, но и не разъясняются. Весьма затрудняет работу с книгой отсутствие каких бы то ни было указателей.

Тем не менее, несмотря на высказанные замечания (с которыми автор вправе и не согласиться), я в высшей степени положительно оцениваю рецензируемое издание. Прделана огромная исследовательская работа, достигнут общезначимый результат, заполнена еще одна лакуна и по существу открыто новое направление в нашей отечественной историографии, а в лице Е.П. Глушанина мы приобретаем уникального специалиста по одной из наиболее сложных и ключевых эпох в истории римско-византийской государственности.

И.П. Медведев

Krumeich Ch. Hieronymus und die christlichen feminae clarissimae// Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. Bonn, 1993. Н. 36. XII, 408 S.

Объемная, насыщенная фактическим материалом монография Х. Крумайх, ученицы известного западногерманского антиковеда И. Штрауба, является переработанным вариантом диссертации, защищенной летом 1992 г в Боннском университете В наиболее общем виде цель работы формулируется скромно — определить "значимость христианок из разряда feminae clarissimae в истории IV в." (с.381). Особое внимание при раскрытии проблемы, считает исследовательница, должно уделяться "миссионерской задаче", которую ставили перед собой и выполняли знатные римлянки-христианки и их spiritus rector Иероним Стридонский. Отмечу сразу, что одним из важнейших способов достижения цели работы оказывается анализ примечательной методики, примененной Иеронимом в его трудах: прославляемые в Библии sanctae mulieres коррелируются им со значительными gentiles feminae из греко-римского прошлого, позитивные качества которых (избирательно адаптированные христианством) исследованы, по мнению Стридонца, принявшими истинную веру feminae clarissimae. Неоспоримо владея privilegium generis, последние призваны в качестве nobiles genere, nobiliores sanctitatis подавать пример сенаторской аристократии, заботившейся о priscus mos, и способствовать ее conversio perfecta. Тем самым открывается подлинная цель для via naturalis, базирующейся на mos maiorum.

Уже отсюда видно, что разрабатываемые Крумайх сюжеты далеко выходят за рамки собственно "иеронимоведения" и даже истории феминизма в доиндустриальных обществах Во-первых, речь идет о рассмотрении на первый взгляд узкой проблемы "Иероним и feminae clarissimae" в контексте довольно широкого спектра общественных и ментальных феноменов поздней античности вообще Недаром исследование взаимоотношений Стридонца с кружком Марцеллы, с Павлой и ее семьей предваряется обстоятельным разбором таких тем, как "Иероним — христианин, римлянин, цистеронианец", "Иероним и epistulae ad clarissimas feminas", "Иероним — vir bonus dicendi peritus". Здесь же рассматривается положение папского престола при Дамасе, покровителе Стридонца, состояние в IV в мужского и женского клариссимата, дается очерк положения римлянки в обществе и т.д. Во второй части монографии исследованию конкретной практической деятельности знатных христианок IV в. предшествует анализ некоторых аспектов позиции Иеронима в полемике между язычеством и христианством, разбор состояния женской образованности и ее оценок позднеантичными авторами, изучение имущественного положения аристократок.

Во-вторых, через всю монографию объективно проходит проблема характера усвоения патристичкой античного наследия. Характер

этот, в частности, подчеркнут довольно весомым тезисом: "Иероним пытается связать обращение в новую веру людей с обращением в нее культуры" (с.6). Что же до названной проблемы, то во многом специфика ее видения в монографии определяется фигурой самого Иеронима, ярко отразившего, кроме всего прочего, в своем качестве наставника и корреспондента римских аристократок неординарную монашескую ученость, базирующуюся в значительной степени на античной классике. Труды Иеронима, считает Крумайх, свидетельствуют, что он не только никогда не отрекался от своей образованности, но и брал сокровища античной культуры под христианскую опеку, обеспечивал им преемственность, — что делали и его знатные ученицы, "когда придавали зеркалу староримских незапятнанных добродетелей новый христианский блеск" (с. 203).

И, наконец, приведенный Крумайх богатейший фактический материал (сам по себе очередной раз демонстрирующий неисчерпаемость трудов Иеронима как источника) и множество сделанных ею наблюдений показывают, насколько важно и антиковеду, и медиевисту учитывать довольно-таки устойчивый универсализм общества IV в. Сама Крумайх эту мысль в качестве отдельной темы специально не развивает, но как византиновед я не могу не обратить внимание на следующее.

Одна из тем трудов Стридонца (как и его современников вообще) — спасение Вечного Рима. Развивая ряд наблюдений И.Штрауба и С.Зугано¹, Крумайх по сути дела подтверждает, что зачастую Иероним, наряду с иными интеллектуалами того времени, понимает под Римом всю империю. Выход Рима из кризиса — в духовном обновлении империи в лоне христианства, и огромная роль в этом процессе, по Иерониму, отводится женщинам из сенаторского сословия. Крумайх убедительно показывает, что названное обновление прежде всего мыслилось как обновление всего римского образованного общества, в сенаторских фамилиях которого продолжали жить *exempla* прошлого империи (с. 76). Но важно, что практическая деятельность *feminae clarissimae* (в том числе — попечение о бедных и больных, основание монастырей и управление ими, вклад в функционирование странноприимных домов и церквей) приходится во многом не только на Рим, на Италию, на Африку, но и на Восточную империю. Соответствующий материал велик, предельно четко систематизирован

(см., например; с. 108-188), и приводимые в книге факты свидетельствуют не только о духовном тяготении аристократок к посещению на Востоке святых мест. Примечательны имущественные вклады знатных христианок в тамошние церкви и другие учреждения. Например, Мелания Младшая через далматинского священника Павла направляет в Египет и Фиваиду 10 тыс. золотых солидов, по стольку же — в Антиохию, ее округу и на острова (Эгенды?), 15 тыс. — в Палестину (с. 117, 364). Бросается в глаза, что такие же суммы (а отнюдь не большие) она жертвует церквям Запада. Яркую параллель действиям Мелании можно усмотреть в поведении Олимпиады, подопечной Иоанна Златоуста (см. с. 284-285). И хотя только немногие из аристократок меняют римские дворцы на хижины Вифлеема (с. 108), Иероним не уставал в своих письмах из Святой Земли рекомендовать женам и дочерям сенаторских фамилий примкнуть к монашеским сообществам (с. 153). Крумайх обстоятельно перечисляет тех женщин, которые ответили на призыв, выявляет все относящиеся к ним источниковые данные. Более того, исследовательница считает возможным говорить о привнесении на Восток богатыми, образованными христианками (и вообще массой западных паломников) *Romanitas*, понимаемой как богатство латинского, т.е. западного культурного менталитета и мышления. Одна из форм подобной трансляции культуры — как раз постройка определенных церквей и монастырей, принимавших множество разного люда (с. 362).

Примечателен анализ известий о крупных сенаторских имуществях, которыми владели аристократки (с. 234-241). Соответствующие сведения, относящиеся к Западу, опять-таки корректно дополняются фактами из социально-экономической сферы Восточной империи (сообщения Иоанна Златоуста, Палладия и др.). Очень скрупулезен в связи с этим разбор данных латинской и греческой версий "Жития" Мелании Младшей. Хотя в книге и нет сравнения размеров владений представителей сенаторского сословия Запада и ранней Византии, зато наглядно продемонстрировано негативное отношение римского сената к ликвидации благочестивыми собственниками своих имуществ. Крумайх, видимо, справедливо полагает, что со стороны сената это была не языческая реакция² на действия, соответствующие евангельскому призыву раздать свое богатство бедным, а рефлексия сословия, вызванная "дезертирством" его видных представителей.

¹ Отмечу попутно, что Крумайх, как и Зугано (См.: *Sugano S.K. Das Rombild des Hieronymus // Europäische Hochschulschriften, Frankfurt/M., 1983. Reihe 15. Bd. 25*), подчеркивает значительную близость Иеронима и Аммиана Марцеллина в освещении теневых сторон жизни Рима-города

² Исследовательница вслед за Р.Ван-Хэлингом полагает, что в конце IV в. по крайней мере 50% населения Рима еще были язычниками (с.31).

Материал темы Крумайх зачастую задает тон используемой в книге методике. Например — исследование начинается с подробного анализа ситуации в Риме накануне прибытия туда Иеронима в 382 г., хотя прожил Стридонца в столице империи недолго — до августа 385 г. Подход к теме по-своему верный: именно в Риме у Иеронима завязываются тесные долговременные отношения с христианками-аристократками, — отношения, во многом повлиявшие на его жизненный путь и творчество. Но несмотря на романоцентризм и неустанно подчеркиваемый Стридонцем его римский патриотизм (по сути совпадающий с имперским, — с. 7, 10, 30-32 и др.), большую часть своей жизни он провел на Востоке, и приводимый в монографии материал прямо-таки приводит к выводу, что ситуация в Византии в значительной мере определяла его труд и мысли. В Риме он во многом держался покровительством папы Дамаса; видимо даже аристократки, чьим наставником он был, не могли эффективно защитить его (см. с. 1 04). Примечательны недоверие римлян к практикующей и пропагандируемой Иеронимом восточно-римской аскезе, раздражение римской толпы самим видом темного монашеского одеяния, оскорбительные выкрики в адрес Стридонца: "Обманщик, грек!" (*Hieronim*. Ep. 38.5; 39.6). Не случайно в оценке Иеронимом своей отчужденности по отношению к Риму, данной в 385 г., Крумайх находит параллели в "анти-западных" реминисценциях Григория Назианского (PG. T. 37. Col. 1155). Отмечаемые в литературе специфические черты восточно-римской аскезы³, воплотившись в практике Иеронима, ставшем в среде западного монашества первым, по мысли Крумайх, воплощением синтеза аскезы и учености (с. 303), скорее всего еще не воспринимались массовым сознанием Рима как позитивная данность. Видимо тенденция к унификации религиозной культуры в христианской среде развивалась отнюдь не гладко. И если даже полагать, что в своем отшельничестве в Халкидской пустыне Иероним был ein rechter Okzidentale, ein Römer (с. 26), — тогда как другие здешние анахореты почти все были восточного происхождения, — то вряд ли достаточным аргументом в пользу "истинного западничества" Стридонца является повышенный в то время спрос на его латиноязычные сочинения (*ibid.*).

³ См., например: *Heussi K. Der Ursprung des christlichen Mönchtums*. Tübingen, 1936. S. 287-291; *Vööbus A. A History of Asceticism in the Syrian Orient // Corpus scriptorum christianorum orientalis*. Louvain, 1958. N 184. P. 158; *Аверинцев С.С. Судьба европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976. С. 35-36; *Frend W.H.C. The Rise of Christianity*. Philadelphia, 1984. P. 567-569, 576-579.

Э.Кларк видимо поставила точки над "i" в вопросе о том, что аскетическое движение в Риме середины IV в. было гораздо моложе малоазийского и египетского⁴. Приводимые Крумайх соображения Иеронима о гезисе римского аскетизма в 340 г. (когда аристократка Марцелла узнала от Афанасия и его спутников о святых пустыльниках Востока) возможно и не лишены основания, но надо признать, что исследовательница не постулирует глубину проникновения восточно-римской аскезы в итальянское общество IV в. (Хотя и полагает достоверным сообщение Афанасия о письмах Константина I и его сыновей святому Антонию). Поэтому приезды Афанасия и его сопровождающих в Рим, Трир и Аквилею, деятельность в Риме самого Иеронима (явившегося туда с Павлином Антиохийским и Епифанием Саламинским) и иные подобного рода визиты с Востока, затрагивая прежде всего западную знать, вряд ли сами по себе способствовали широкому внедрению восточного аскетизма в менталитет Запада.

Крумайх доказывает, что в Риме наиболее восприимчивыми к такому типу аскетизма оказались женщины, причем именно из сенаторского сословия. Изучение их аристократического круга ведется в форме добротного просопографического описания. Кроме того составлены генеалогические таблицы связанных с Иеронимом *feminae clarissimae*. Развитие подобных сюжетов весьма успешно дополняет наши знания истории господствующего класса поздней античности. Но я думаю, что для византиниста здесь более важны иные наблюдения.

В частности, анализируя состояние поздне-римского общества и положение в нем женщин, Крумайх называет три причины увеличения безбрачия в IV в.: усиление аскетических идеалов, пропагандирующих анахоретис и киновитство; подъем мариологии, прославлявшей *virginitas perpetua*; тяжелое экономическое и политическое положение империи, зачастую вызывающее бегство от мира и недоверие к государству и имперской церкви (с. 69). Преобладающий в монографии западноримский материал, иллюстрирующий эти тезисы, дополняется менее объемными, но достаточно репрезентативными наблюдениями, сделанными на материале византийском

Действительно в ранней Византии мы также видим рядом с авторитетными отцами церкви яркие женские личности, в основном из числа

⁴ *Clark E. The Life of Melania Younger*. N.-Y., 1984 P. 201. Справедливости ради отмечу, что еще А.Гарнак фиксировал поворот западноримской аристократии к "серьезной христианской жизни" только применительно к последней четверти IV в. См.: *Harnak A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in der ersten drei Jahrhunderten*. Leipzig, 1924. Bd. 2. S. 559 u. folg.

знати. Исследовательница привлекает данные о Макрине, сестре Василия и Григория Нисского, об Олимпиаде, ставшей диакониссой церкви Св. Софии ("Житие" которой дает для темы материал не менее выразительный, чем "Житие" Мелании Младшей), о Нонне, матери Григория Назианского, и об его сестре Гонории (с. 284-287). Я полагаю, что знатные христианки ранней Византии, как и западные аристократки, полностью вписываются в позитивную "феминистскую" схему Иеронима, в которой, как показывает Крумайх, наблюдается следующий дуализм. С одной стороны, считается, что заключение брака важно для сохранения *gens* и человечества в целом; оно определяет величину и качество *civitas* (чисто античная позиция!)⁵. С другой стороны, аристократки IV в., в отличие от образцовых римских матрон прошлого, отказываются от брака и семьи и, сохраняя экономическую самостоятельность и социальный престиж, принимают идеал *virginitas*. По мнению Крумайх, только церковь могла связать с теологией дух этих образованных женщин, а их хозяйственную активность — направить на *caritas* и основание монастырей (с. 323).

Исследовательница, склоняясь к мысли о повышении общественной роли женщины в поздней античности, совершенно логично обращает внимание на то, что Иероним не только неустанно повторяет тезис о равенстве мужчин и женщин перед Богом; в духе новозаветной традиции он награждает женщин почетным званием *apostolae apostolorum* (с.337-343). В результате возникает возможность выхода женщины за пределы частной сферы — в сферу общественной жизни, — если она ступает на путь апостолов и евангелистов. Важно отметить, что к аналогичным выводам в Византии приходит Иоанн Златоуст (PG. T. 60. Col. 669-672). Иоанн даже накладывает ограничение на запрет женщинам учить в церкви слову Божьему: они лишь не должны руково-

дить богослужением и собранием и выступать в качестве *διδασκαλοι* перед общественностью (Ibid. Col. 669). Роль же женщины в распространении ученья поистине колоссальна; христианка делает это, уже воспитывая детей и обращая в истинную веру членов своей семьи (Ibid.). В монографии превосходно преподнесены примеры занятия женщинами в IV-V вв. видных церковных и монастырских постов. Отмечу, что Крумайх считает возможным существование диаконисс на Западе в 40-е годы V в. (с. 278), и это, разумеется, не крайне отрицательно воспринимаемые ортодоксией священнослужительницы присциллиан и монтанистов, способные занять даже должность пресвитера и епископа.

И еще одно замечание. Крумайх отводит вифлеемскому периоду жизни Иеронима громадную роль: Стридонец становится на Востоке центральной фигурой в распространении "христианского латинского знания"; *Romanitas* его образования и трудов ставит его, по мнению исследовательницы, рядом с Афанасием, "по следам которого он идет" (что верно отнюдь не всегда! — А.К.), рядом с Василием Великим, Григорием Нисским, Григорием Назианским и Иоанном Златоустом (с.362). Думаю, такая оценка излишне прямолинейна: *Romanitas* Иеронима, когда дело касается его богословских сочинений, все-таки очень бедна философским содержанием — в отличие от трудов представителей каппадокийской школы.

В заключение отмечу, что капитальная, легко написанная монография Крумайх — не только весомый вклад в "иеронимоведение". Изучая положение женщин в эпоху ломки античного менталитета, она открывает много новых граней и возможностей исследования позднеантичной и раннесредневековой цивилизации. Я же счел нужным указать только те из них, которые наверняка заслуживают внимания византинистов.

А.С. Козлов

Кривушина И.В. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1994.

В исследовании И.В. Кривушина впервые в византиноведении на монографическом уровне исследуется восприятие народа и его исторической роли в мировоззрении церковных историков эпохи патристики. Автор тщательно анализирует представления о народе Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена и Феодорита Киррского. Аннотируемая книга соответственно делится на четыре главы, каждая из которых посвящена тому или иному историку церкви. При этом

в каждом случае характеризуются его общеисторические взгляды, место категории "народ" в его менталитете и, наконец, терминология, используемая в его сочинении, когда речь идет о народе.

⁵ Это тем более примечательно, что принявшие христианство *feminae clarissimae* представляют перед Иеронимом *civitas Romana* и одновременно предуготовляют христианству путь к *civitas caelestis* (с.378).